

жим доступа : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/794-18>.

6. Про затвердження Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року : Постанова Кабінету Міністрів України від 6 серпня 2014 року № 385 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/385-2014-п>.

7. Про затвердження Державної цільової соціально-економічної програми будівництва (придбання) доступного житла на 2010–2017 роки : Постанова Кабінету Міністрів України від 11 листопада 2009 року № 1249 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1249-2009-п>.

8. Про затвердження плану заходів щодо створення безперешкодного життєвого середовища для осіб з обмеженими фізичними можливостями та інших маломобільних груп населення на 2009 – 2015 роки «Безбар'єрна Україна»: Постанова Кабінету Міністрів України від 29.07.2009 № 784. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/784-2009-п>

9. Деякі питання реалізації у 2015–2017 роках Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року : Постанова Кабінету Міністрів України від 7 жовтня 2015 року № 821 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/821-2015-п>.

10. Про охорону культурної спадщини : Закон України від 8 червня 2000 року № 1805-III [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1805-14>.

11. Про затвердження Порядку затвердження проектів будівництва і проведення їх експертизи та визнання такими, що втратили чинність, деяких постанов Кабінету Міністрів України : Постанова Кабінету Міністрів України від 11 травня 2011 року № 560 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/560-2011-%D0%B>.

УНИФИКАЦІЯ ПРАВИЛ, КАСАЮЩИХСЯ ПРИНЦИПА АВТОНОМІЇ ВОЛИ В КОММЕРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, В ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Екатерина ЦИРАТ,

аспирант Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

International legal acts containing rules that regulate party autonomy in international commercial relations and approaches to the unification of that principle in Organization of American States have been analyzed and studied in this article. This article envisages how party autonomy is accepted and spread among Member States of Organization of American States that belong to different legal systems. This article outlines prospects of future regulation of party autonomy in commercial relations in the framework of Organization of American States.

Key words: Organization of American States, principle of party autonomy, territorialism, unification, international commercial relations.

Аннотация

В статье проводятся исследование и анализ международно-правовых договоров, в которых содержатся нормы, регулирующие принцип автономии воли в коммерческих отношениях с иностранным элементом в Организации американских государств, а также анализируются подходы к унификации данного принципа. Исследуется степень принятия и распространенности принципа автономии воли среди государств-членов Организации американских государств, принадлежащих к разным правовым семьям. В статье также представлены перспективы дальнейшего регулирования принципа автономии воли в коммерческих отношениях с иностранным элементом в Организации американских государств.

Ключевые слова: Организация американских государств, принцип автономии воли сторон, территориализм, унификация, коммерческие отношения с иностранным элементом.

Постановка проблеми. Принцип автономии воли занимает, пожалуй, ключевое место в коммерческих отношениях с иностранным элементом. В большинстве международно-правовых договоров, регулирующих коммерческие отношения с иностранным элементом, независимо от природы норм, содержащихся в них, будь то коллизионные или материальные нормы, этот принцип прописан: он упомянут в Конвенции УНИДРУА о Едином образном законе о международной купле-продаже товаров 1964 г. (ст. 3), Конвенции УНИДРУА о международной финансовом лизинге 1988 г. (ст. 5), Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (ст. 6), Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г. (ст. 3),

Регламенте «О праве, применимом к договорным обязательствам» 2008 г. ЕС № 593/2008 (ст. 3) и др.

В рамках Организации американских государств (далее – ОАГ), объединяющей государства Северной, Центральной и Южной Америки, принцип автономии воли долгое время прямо не упоминался в международно-правовых договорах. Лишь в 1990-х гг. он был прописан в международно-правовом договоре, посвященном вопросам применимого к международным договорам права – Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным договорам 1994 г. Определение места, занимаемого принципом автономии воли в коммерческих отношениях с иностранным элементом в ОАГ, объединяющей как страны общего права (Канада, США, Гайана), так и страны

романо-германской правовой семьи (другие государства-члены ОАГ), чрезвычайно важно для осознания состояния и степени его унификации в ОАГ, а также для предвидения перспектив его дальнейшей унификации.

Актуальность темы. Унификационные процессы, в частности в сфере международного коммерческого права в ОАГ, малоисследованы учеными Украины и ближнего зарубежья. ОАГ является крупнейшим интеграционным объединением Западного полушария, посему изучение опыта унификации в рамках этой организации является немаловажным, особенно для целей сравнительного правоведения.

Унификационные процессы в сфере международного частного права в ОАГ исследовались и исследуются многими учеными, большинство из которых являются выходцами из Латинской Америки. Д.П. Фернандес Арройо (*D.P. Fernández Arroyo*) занимается сравнительно-правовым анализом, изучая вопросы унификации международного коммерческого права на универсальном уровне, в Латинской Америке и Европейском союзе; Р. Момберг (*Rodrigo Momberg*) и А.М. Гарро (*A.M. Garro*) сосредотачивают свои исследования на унификации и гармонизации международного коммерческого права в Латинской Америке; Х.А. Морено Родригес (*J.A. Moreno Rodríguez*) и М.М. Альборнос (*M.M. Albornoz*) изучают особенности регулирования принципа автономии воли в коммерческих отношениях с иностранным элементом на уровне национальных государств и ОАГ. А.Е. Виллальта Вискара (*A.E. Villalta Vizcarra*), член Межамериканского юридического комитета ОАГ, непосредственно причастна к работе специализированных межамериканских конференций по международному частному праву, изучает вопросы унификации международного частного права в ОАГ, интеграции субрегионов Латинской Америки, а также занимается анализом международно-правовых актов (конвенций, протоколов, модельных законов) ОАГ по договорному праву.

В Украине унификация в рамках ОАГ малоисследована. Е.С. Перепелинская рассматривала общие про-

цессы унификации международного частного права в ОАГ, не сосредотачиваясь на деталях. На постсоветском пространстве документы ОАГ, где унифицирован принцип автономии воли, рассматривала Н.Г. Вилкова (Российская Федерация).

Итак, **целью** статьи является определение места принципа автономии воли в международно-правовых договорах, регулирующих коммерческие отношения с иностранным элементом, принятых в ОАГ, а также осмысление дальнейших перспектив его регулирования.

Изложение основного материала исследования. ОАГ – крупнейшая организация Западного полушария, основанная в 1948 г. на базе созданного еще в 1889 г. Панамериканского союза, членами которой являются 35 государств, среди которых Мексика, Канада, США, Бразилия, Уругвай, Аргентина, а также другие государства Центральной и Южной Америки. Направления работы этой организации самые разные: от укрепления демократии и мира до экономического и социального сотрудничества; от соблюдения и защиты прав человека до мирного разрешения споров между государствами-членами; от разрушения до борьбы с бедностью; от поощрения образования до сотрудничества в сфере международного публичного права и международного частного права. В институциональном плане унификация в сфере международного частного права осуществляется под ведомством Отдела международного права (исп. *Departamento de Derecho Internacional*), являющегося одним из подразделений Секретариата по правовым вопросам (исп. *Secretaría de Asuntos Jurídicos*). В среднем каждые четыре-шесть лет Секретариат по правовым вопросам созывает так называемые специализированные межамериканские конференции по международному частному праву (исп. *Conferencias Especializadas Interamericanas sobre Derecho Internacional Privado*, далее – CIDIP), которые занимаются разработкой и принятием международно-правовых актов, унифицирующих нормы в разных сферах международного частного права. В целом было создано семь CIDIP, по итогам работы которых

было принято 27 международно-правовых актов разного рода: конвенции, протоколы, модельные законы, модельные регламенты и унифицированные законы.

В первую очередь в рамках CIDIP были унифицированы вопросы международного гражданского процесса, оборота ценных бумаг, личного статуса физических и юридических лиц, а также вопросы международного семейного права. Унификация норм о применимом к коммерческим договорам с иностранным элементом праве стала предметом лишь пятой CIDIP, когда в 1994 г. была принята Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным договорам (далее – Конвенция Мехико) [7]. Именно эта конвенция и стала попыткой унификации правил, касающихся принципа автономии воли.

Справедливости ради стоит отметить, что принцип автономии воли косвенно упомянут в Межамериканской конвенции о международном коммерческом арбитраже 1975 г., принятой на первой CIDIP и ратифицированной 19 государствами. Конвенция гласит, что одним из оснований для отказа в признании и исполнении арбитражного решения является недействительность арбитражного соглашения согласно праву, которому стороны его подчинили (ч. 1 ст. 5) [6]. Характерно, что в тексте больше нигде не упомянута возможность сторон выбрать право, будь то право, применимое к арбитражному соглашению или к договору, из которого возник спор.

Важно еще упомянуть предшественницу Конвенции Мехико – Межамериканскую конвенцию об общих нормах международного частного права 1979 г. (далее – Конвенция Монтевидео), принятую на второй CIDIP и ратифицированную 10 государствами. Название конвенции четко отображает ее суть: базовые правила международного частного права. Конвенция Монтевидео устанавливает приоритет положений международных договоров над положениями национального права в части выбора права, применимого к фактам, связанным с иностранным правом (ст. 1); требование о том, чтобы судьи применяли иностранное право таким же образом, как это де-

лают судьи иностранного государства (ст. 2); возможность отказа в применении права судом, если это право содержит неизвестные правовой системе государства суда институты (ст. 3); оговорка о публичном порядке (ст. 5); запрет обхода закона (ст. 6) и др. [5]. Однако Конвенция Монтевидео совершенно не упоминает принцип автономии воли, являющийся одним из базовых принципов международного частного права.

Только в Конвенции Мехико были прописаны принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи как основные способы определения применимого права к договорам с иностранным элементом. Конвенцию Мехико подписали Боливия, Бразилия, Мексика, Уругвай и Венесуэла, а ратифицировали только Мексика и Венесуэла, то есть она в силе только для двух вышеупомянутых государств. По большому счету это означает, что Конвенция Мехико как унифицирующий акт не состоялась. Для того чтобы выяснить, каковы причины неуспеха Конвенции Мехико, рассмотрим ее положения в деталях.

Концептуально Конвенция Мехико зиждется на идеях, заложенных в Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г. (далее – Римская конвенция), которая вступила в силу в 1991 г. и до создания Регламента ЕС «О праве, применимом к договорным обязательствам» 2008 г. № 593/2008 была актом обязательного характера для государств-участниц ЕС (однако она, в отличие от регламента, должна была пройти процедуру ратификации каждым государством-членом ЕС). Речь идет прежде всего об автономии воли как одном из краеугольных камней в системе международного частного права (п. 11 Преамбулы Римской конвенции [3]) при определении применимого к договору права и о принципе наиболее тесной связи, который позволяет определить применимое право в случае отсутствия выбора права сторонами.

Конвенция Мехико имеет достаточно широкую сферу применения. Она определяет право, применимое к международным договорам; договор является международным, если стороны договора имеют обычное место-

жительство или коммерческие предприятия в различных Договаривающихся государствах, или если договор имеет объективные связи с более чем одним Договаривающимся государством (ст. 1) [7]. Формулировка сферы применения Конвенции Мехико похожа на формулировку Римской конвенции, гласящей, что конвенция применяется к договорным обязательствам в любой ситуации, связанной с выбором права между законами разных государств (ст. 1) [3]. Характер договоров, попадающих под сферу применения Конвенции Мехико, выводится методом исключения из ст. 5 [7], посвященной вопросам, находящимся вне сферы применения конвенции. Конвенция не определяет право, применимое к: а) вопросам, возникающим из семейного статуса физических лиц, правоспособности сторон или к последствиям ничтожности или недействительности договора вследствие недееспособности одной из сторон; б) договорным обязательствам, связанным с вопросами наследования, завещаний, семейными договоренностями или договоренностями, вытекающими из семейных отношений; в) обязательствам по ценным бумагам; г) обязательствам, возникающим из сделок с ценными бумагами; д) соглашению сторон об арбитраже или выборе суда; е) вопросам корпоративного права, включая деятельность, правоспособность, функционирование и ликвидацию коммерческих компаний и юридических лиц в целом.

Конвенция Мехико определяет, что договор регулируется правом, избранным сторонами; на обоих языках, на которых составлена Конвенция Мехико – английском и испанском – употреблено слово «право» (англ. *law*, исп. *derecho*). Посему возникает ожидаемый вопрос, могут ли стороны избрать *lex mercatoria*, являющееся негосударственным правом (*non-statelaw*). Исходя из грамматического толкования норм Конвенции Мехико, в частности ст. 17 [7], которая определяет, что под правом понимается «действующее в данном государстве право, за исключением норм международного частного права», можно сделать вывод о том, что стороны могут выбирать в качестве применимо-

го к договору права только государственное право (*state law*). Конвенция Мехико даже не говорит о возможности включения негосударственного права путем отсылки (*incorporation by reference*). Римская конвенция также не разрешает сторонам применять негосударственное право (ст. 15) [3]. Однако Конвенция Мехико предусматривает, что прерогативой, а в ряде случаев и обязанностью использования негосударственного права, наделен судья. При определении права, с которым договор имеет наиболее тесную связь, «суд принимает во внимание все объективные и субъективные элементы договора с целью определения права государства, с которым договор имеет наиболее тесную связь. Он также должен принимать во внимание общие принципы международного коммерческого права, признанные международными организациями» (ч. 2 ст. 9). Кроме того, «в дополнение к положениям вышеуказанных статей руководства, обычаи и принципы международного коммерческого права, а также общепринятые торговые обыкновения и практика должны применяться для обеспечения требований правосудия и справедливости в каждом конкретном случае» (ст. 10) [7]. Некоторые ученые хвалят такое смелое нововведение Конвенции Мехико: Д.П. Фернандес Арройо (*D.P. Fernández Arroyo*) усматривает в этом большую по сравнению с Римской конвенцией открытость Конвенции Мехико к «транснациональному праву» [10, с. 3], а Ф.К. Юнгер (*F.K. Juenger*) говорит: «Одним из наибольших достижений Конвенции Мехико стало ее доверие к общим принципам, принятым международными организациями. <...> Потому что принципы, о которых шла речь <...>, состоят из принципов договорного права, общих для многих судебных систем, или принципов, адаптированных к потребностям международной торговли» [2, с. 185]. Мы склонны присоединиться к оценкам вышеуказанных исследователей, поэтому рассматриваем положения ст. 9 и ст. 10 в качестве прогрессивных, так как Конвенция Мехико предусмотрела использование лишь «одобренных» международными организациями принципов

и норм, а не *lex mercatoria* в целом, по поводу содержания которого между исследователями и практиками по сей день ведутся споры. Очевидно, эти новшества оказались в числе прочих причин отказа большинства латиноамериканских государств ратифицировать Конвенцию Мехико.

Что касается формы соглашения о выборе права, то Конвенция Мехико предусматривает, что соглашение сторон о выборе права должно быть ясным (*express*) или, если отсутствует выраженное соглашение, должно явствовать (*evident*) из поведения сторон и положений договора, рассматриваемых в совокупности (ч. 1 ст. 7) [7]. Таким образом, Конвенция Мехико разрешает имплицитный выбор права. Возможность молчаливого выбора права почерпнута из Римской Конвенции, которая указывает, что выбор права должен быть ясным (*express*) или продемонстрирован с разумной уверенностью (*reasonable certainty*) условиями договора или обстоятельствами дела (ч. 1 ст. 3) [3]. Как и Римская конвенция, Конвенция Мехико разрешает *dépeçage*, то есть возможность выбрать разное право для разных положений договора (ч. 1 ст. 7). Конвенция Мехико, как и ее вдохновительница – Римская конвенция, не требует наличия «разумной» (*reasonable*) или «существенной» (*substantial*) связи договора с государством, право которого выбрали стороны. Напротив, для стран общего права, коими в ОАГ являются США и Канада, эта «существенная» связь является необходимой [1, с. 241–242], и судья, рассматривая осуществленный сторонами выбор права, должен оценить его, в числе прочего, на предмет такой связи. Отсутствие в Конвенции Мехико требования о «разумной» или «существенной» связи договора с государством, право которого выбрали стороны, может быть одной из причин того, почему США не ратифицировали Конвенцию Мехико. Не требуя связей между договором и государством, право которого выбрали стороны, Конвенция Мехико утверждает широкую концепцию автономии воли и отказывается от традиционной для Латиноамериканского региона концепции территориализма, привязывающей договор к некому государству.

Конвенция Мехико предусматривает, что выбор суда не является одновременно выбором права (ч. 2 ст. 7) [7], однако выбор суда может служить ориентиром для суда при оценке наличия воли сторон касательно выбора права некоего государства (например, в случаях, когда нет письменного соглашения о выборе права).

Материальная действительность соглашения сторон о выборе применимого права определяется в соответствии с правилами гл. II Конвенции Мехико (ч. 1 ст. 12) [7]. Если стороны выбрали применимое к договору право, то материальная действительность будет регулироваться этим избранным правом, то есть правом, применимым к договору (*lex contractus*), а если стороны не выбрали применимое право, тогда материальная действительность будет определяться правом государства, с которым договор имеет наиболее тесную связь. К слову, принцип наиболее тесной связи Конвенция Мехико сформулировала несколько иначе, чем Римская конвенция. Римская конвенция выводит его через принцип характерного исполнения: договор имеет наиболее тесную связь с государством, где сторона, которая должна совершить исполнение, являющееся характерным для данного договора (*the performance which is characteristic of the contract*), в момент заключения договора имеет обычное место проживания или, если это корпоративная или некорпоративная организация, имеет административный центр (ч. 2 ст. 4) [3]. Конвенция Мехико использует иную гибкую конструкцию: «Суд принимает во внимание все объективные и субъективные элементы договора с целью определения права государства, с которым договор имеет наиболее тесную связь. Он также должен принимать во внимание общие принципы международного коммерческого права, признанные международными организациями» (ч. 2 ст. 9) [7]. Надо отметить, что принцип наиболее тесной связи стал новеллой для многих латиноамериканских государств, ведь их национальные законы, как правило, предусматривают две привязки: закон места заключения договора (*lex loci contractus*) и закон места исполнения договора (*lex loci solutionis*) [9]. Мало

того, что вслед за принципом автономии воли принцип наиболее тесной связи по значимости был возведен на второе место, что уже было необычно для латиноамериканских государств, Конвенция Мехико сформулировала его в таком «абстрактном» виде, что многие государства посчитали, что в таком виде принцип наиболее тесной связи внесет больше путаницы и неопределенности, чем послужит инструментом эффективного определения применимого права [9]. Конвенция Мехико в отличие от Римской конвенции не содержит отдельных правил для определения применимого к специальным договорам права, например, к договорам с участием потребителя и трудовым договорам, и некоторыми исследователями это упущение рассматривается как явный «минус» [4].

Несмотря на многие новшества, Конвенция Мехико успеха не имела. Помимо уже упомянутых причин следует отметить, что неготовность принять принцип автономии воли связана еще и с тем фактором, что латиноамериканские государства опасаются, что контрагенты из более развитых государств будут навязывать свою волю в виде применимого права более слабым партнерам из государств Южной Америки.

Итак, можно сделать вывод, что правила, касающиеся принципа автономии воли в коммерческих отношениях с иностранным элементом в ОАГ, на сегодняшний день не унифицированы, так как принцип автономии воли не принят большинством государств ОАГ, прежде всего латиноамериканскими государствами, которые не признают его даже в своих национальных законах. Кроме того, в некоторой степени достижению унификации препятствует присутствие в ОАГ государств с разными правовыми системами и традициями: Канада, к примеру, вступив в ОАГ лишь в 1990 г., начала участвовать в работе CIDIP лишь в 2000-х гг. До сих пор Канада не ратифицировала ни одного документа по международному частному праву. А США ратифицировали всего три международно-правовых договора: Межамериканскую конвенцию о международном коммерческом арбитраже 1975 г., Межамериканскую

конвенцию о судебных поручениях 1975 г. и Протокол 1979 г. к ней. При рассмотрении вопроса о ратификации Конвенции Мехико США пришли к выводу, что она будет противоречить существующей нормативной базе США, а вместо достижения униформизма будет создавать правовую неопределенность [8, с. 667–668].

Выводы. Унификация автономии воли в ОАГ на современном этапе пока не состоялась и в ближайшее время вряд ли состоится. Конвенция Мехико, базируясь на идеях Римской конвенции, которая регулировала коммерческие отношения с иностранным элементом в Европейских Сообществах, а затем – в Европейском союзе, являющимся самым экономически развитым интеграционным объединением, была и остается слишком прогрессивным для ОАГ международно-правовым актом. Автономия воли должна быть признана прежде всего в национальных законах государств-членов ОАГ, а затем уже может идти речь об унификации на региональном уровне. Хотя, возможно, Конвенция Мехико так и останется конвенцией двух государств, не стоит недооценивать ее потенциал как модельного закона и руководства для проведения соответствующих реформ национальными государствами. На наш взгляд, именно в этом и заключается ее сегодняшней унифицирующий потенциал. В будущем же на фоне гармонизированных национальных законов в части признания принципа автономии воли в коммерческих отношениях с иностранным элементом может идти речь о создании действительно эффективного международно-правового договора как Римская конвенция в лице Конвенции Мехико или другого, уже модернизированного международно-правового акта.

Список использованной литературы:

- Behr V. Rome I Regulation. A Mostly Unified Private International Law of Contractual Relationships within Most of the European Union / V. Behr // *Journal of Law and Commerce*. – Vol. 29. – P. 233–272. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://jlc.law.pitt.edu/ojs/index.php/jlc/article/download/3/3>.
- Bonell M. J. An International Restatement of Contract Law. The UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts / M.J. Bonell // 3rd edition. – New York, 2005. – 704 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://books.google.com/ec/books?id=OKrT4xyu6_cC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.
- Convention on the law applicable to contractual obligations opened for signature in Rome on 19 June 1980(80/934/EEC). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:41980A0934>.
- Fernández Arroyo D. P. Presente y Futuro de la CIDIP / D.P. Fernández Arroyo. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.oas.org/dil/esp/derecho_internacional_privado_conferencias.htm.
- Inter-American Convention on General Rules of Private International Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oas.org/dil/CIDIP-II-generalrules.htm>.
- Inter-American Convention on International Commercial Arbitration [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-35.html>.
- Inter-American Convention on the Law Applicable to International Contracts [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-56.html>.
- Malloy S.A. The Inter-American Convention on the Law Applicable to International Contracts: Another Piece of the Puzzle of the Law Applicable to International Contracts / S.A. Malloy // *Fordham International Law Journal*. – 1995. – Volume 19, Issue 2. – P. 662–735. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2232&context=ilj>.
- Rodríguez J.A. Reflexiones emergentes de la Convención de México para la elaboración del futuro instrumento de La Haya en materia de contratación internacional J.A. Moreno Rodríguez, M.M. Alboroz. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alumnosmdag.blogspot.com/2011/04/reflexiones-emergentes-de-la-convencion.html>.
- Villalta Vizcarra A.E. La Convención Interamericana sobre Derecho Aplicable a los Contratos Internacionales / A.E. Villalta Vizcarra // Conferencia pronunciada en las Jornadas de ASADIP. Asunción, Paraguay, octubre de 2013. – 12 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://society.files.wordpress.com/2013/12/la-convencion-3b3n-interamericana-sobre-derecho-aplicable-a-los-contratos-internacionales-ana-elizabeth-villalta-vizcarra.pdf>.